

РОССИЙСКИЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ

Ежемесячный аналитический бюллетень

Выпуск № 1 (11)
февраль 2007 г.

Москва
Научный эксперт
2007

Российские политические практики. Ежемесячный аналитический бюллетень: Выпуск № 1 (11), февраль 2007 г. М.: Научный эксперт, 2007. – 56 с.

Издание предназначено для политиков, руководителей органов государственной власти, научных сотрудников, работников корпораций, аналитических центров, промышленных ассоциаций и союзов.

© Научный эксперт

Содержание

Внешняя политика

<i>Мюнхенская речь: словосочетание нарицательное .....</i>	5
<i>Ближневосточное турне Президента: от слов к делу .....</i>	13
<i>Ирак: «коалиция желающих» сжимается .....</i>	20
<i>Размещение американской системы ПРО в Европе: камень преткновения.....</i>	23

Экономическая политика

<i>Диверсификация производства: от «сырьевого придатка» к экономике инноваций .....</i>	29
---	----

Политические элиты

<i>Кадровые перестановки в Правительстве .....</i>	37
<i>Избирательная кампания началась: от преемников к кандидатам.....</i>	45

В этом выпуске:

- Если еще оставались какие-то сомнения, что Россия вернулась на международную арену в качестве серьезного игрока, то, по крайней мере в этой части, они развеяны после речи Владимира Путина в Мюнхене;
- Условия взаимодействия России с Западом, выработанные 15 лет назад, в период распада СССР, и не претерпевшие особых изменений до сегодняшнего дня, не соответствуют радикально изменившейся реальности. Прежняя, безоговорочно прозападная, парадигма безвозвратно ушла в прошлое, и пора приступать к выработке новой;
- Ближневосточное турне Владимира Путина является конкретным подтверждением серьезности намерений, высказанных им в мюнхенской речи. Роль России при этом видится в качестве инициатора создания и одного из ключевых участников системы региональной безопасности стран Персидского залива;
- Проблема размещения элементов американской системы ПРО в Восточной Европе выдвигается на роль едва ли не главного камня преткновения в российско-американских взаимоотношениях, при этом Москва предпринимает активные усилия к тому, чтобы по возможности максимально интернационализировать ситуацию, стремясь придать ей масштаб кризиса международной системы безопасности в целом;
- В стране фактически дан старт президентской кампании, при этом разговоры о новой промышленной политике, в сочетании с внешнеполитическими акцентами, расставленными в Мюнхенском выступлении, формируют смысловое ядро политического курса, проводить в жизнь который призван будущий глава государства;
- Разговор о мобилизационной парадигме допускает, что государство может заняться модернизацией и диверсификацией экономики в сторону высокотехнологичных отраслей, а локомотивом высоких технологий в России всегда был военно-промышленный комплекс – и именно этот участок работ будет курировать Сергей Иванов, получивший новое назначение в правительстве.

Внешняя политика

Мюнхенская речь: словосочетание нарицательное

Февральская повестка мировой политики, без всякого преувеличения, оказалась окрашена в российские тона. Новые акценты, расставленные Владимиром Путиным серией внешнеполитических акций и заявлений, окончательно подтвердили вывод о том, что главная цель внешней политики Москвы на данном этапе заключается в формировании ощущения зависимости мирового сообщества от России, не прислушиваясь к мнению которой невозможно решить ни одну из ключевых проблем современной международной политики.

Словосочетание «Мюнхенская речь», благодаря коллективным усилиям зарубежных и отечественных комментаторов, имеет все основания войти в число нарицательных в международном политическом лексиконе, вне зависимости от того, в каком ассоциативном ряду оно найдет себе место: рядом с «Фултонской речью» Черчилля или с «нашим ответом Керзону». «В начале было Слово», как заметил Владимир Путин, и это слово определено «не воробей»: вылетело – не поймаешь. «День 10 февраля 2007 года стал символической датой наступления нового мирового порядка», утверждают эксперты самого разного толка, вкладывая в эту фразу значимость и эмоциональную тональность, сопоставимую с аналогичными высказываниями после 11 сентября 2001 года: «Мир уже никогда не будет прежним...»

«Если у кого-то еще оставались какие-то сомнения, что Россия вернулась на международную арену в качестве серьезного игрока, то эти сомнения, безусловно, были развеяны после речи Путина в Мюнхене...», «...Россию больше нельзя будет игнорировать или не принимать во внимание ее интересы» - подобного рода цитаты можно приводить до бесконечности, ими пестрят как отечественные, так и зарубежные издания, хотя вытекающие из этого обстоятельства выводы делаются порой прямо противоположные.

Приходится с горечью признать, что Америка и Европа не сумели использовать предоставленный им исторический шанс сделать Россию неотъемлемой частью западного мира, - таков лейтмотив большинства отзывов и комментариев. После крушения коммунизма Запад должен был предпринять по крайней мере три важнейшие инициативы для достижения этой цели. Первая заключалась в предоставлении России масштабной экономической и финансовой помощи для перехода от командной экономики, ориентированной на военные цели, к рыночной, по аналогии с планом Маршалла. Во-вторых, Западу следовало бы разработать дорожную карту вступления России в НАТО до или хотя бы одновременно со вступлением в эту организацию бывших членов Варшавского договора и стран Балтии. Наконец, в третьих, Америка должна была пригласить Россию участвовать в разработке и размещении систем стратегической противоракетной обороны после выхода США из договора ПРО в 2001 г. Все эти и некоторые другие подобные идеи постоянно обсуждались в экспертном сообществе и в СМИ, но, к сожалению, они были решительно отвергнуты как демократической, так и республиканской администрациями Белого дома. Хуже того, в реальности на Западе были предприняты шаги, прямо противоположные тому, о чем говорилось выше.

Планы дальнейшего расширения НАТО на Восток, на этот раз уже за счет Украины и Грузии; переговоры США с Польшей и Чехией об установке противоракетных систем на границе с Россией; наконец, недавнее заявление министра обороны Роберта Гейтса во время его выступления в Конгрессе, где он поставил Россию и Китай в один ряд с Ираном и Северной Кореей, то есть практически присоединил эти страны к «оси зла» - таковы, по всей видимости, последние капли, переполнившие чашу терпения.

«На протяжении десяти лет мы внимательно слушали, что нам говорят партнеры, но мы все чаще убеждаемся, что действия многих наших партнеров направлены только на достиже-

ние собственных интересов в отношениях с Россией, - обозначил подоплеку своей мюнхенской речи Владимир Путин. – Мы терпеливо и толерантно относимся к такому развитию политики, но такое впечатление, что нас не понимают».

В своем мюнхенском выступлении Владимир Путин «вспомнил все»: обвинил Соединенные Штаты в «гипертрофированном использовании силы», в «пренебрежении основополагающими принципами международного права» и в том, что политика США «перешагнула свои национальные границы в экономике, и в политике, и в гуманитарной сфере - и навязывается другим государствам». Немало озадачив западных слушателей, в список своих обвинений он включил даже распространение оружия массового поражения, борьба с которым, казалось бы, составляет основу нынешней глобальной политики Вашингтона. По словам президента, суть в том, что господство Америки «неизбежно подпитывает тягу» других стран к обладанию таким оружием.

По сути, его выступление - это сигнал: Россия выходит из тени. Новая внешнеполитическая линия Кремля, сформулированная в мюнхенской речи, основывается на не высказанной вслух идее о том, что Россия, в силу причин объективно-исторического и геополитического порядка, по сути не может иметь друзей; ни одной из великих держав не нужна сильная Россия, которая в этом случае станет их мощным конкурентом, и многие желали бы видеть ее слабым государством, чтобы ею можно было помыкать и манипулировать. Таким образом, перед Россией стоит выбор: либо смириться с положением «подчиненного», либо вернуть себе статус великой державы, заняв тем самым принадлежащее ей по праву место в мире - в одном ряду с США и Китаем, а не с Бразилией и Индией.

РПП: наш вывод-прогноз:

США и Европа могут сколько угодно выражать протест по поводу всё более нарастающей активности рос-

сийской внешней политики; от этого ничего не изменится. Они должны признать, что условия взаимодействия России с Западом, выработанные 15 лет назад, в период распада СССР, и не претерпевшие особых изменений до сегодняшнего дня, не соответствуют радикально изменившейся реальности. Прежняя парадигма безвозвратно ушла в прошлое, и пора приступать к выработке новой.

Тех, кто хоть как-то причастен к российско-американскому диалогу, содержание речи президента Путина на Мюнхенской конференции по вопросам безопасности вряд ли удивило. Главное отличие заключалось в том, что раньше те же замечания высказывались за закрытыми дверями, или звучали из уст телеобозревателей, а теперь с ними выступил сам глава государства.

Значимость мюнхенского выступления определяется даже не тем, что было сказано президентом, но той реакцией, которую она способна вызвать у аудиторий, к которым обращался Путин. Что же касается целевых аудиторий, то Вашингтон в их числе стоит, как нам представляется, на последнем месте.

В первую очередь, обращение Путина была адресовано европейской аудитории. Многие отклики на эту речь за рубежом строятся на предпосылке существования в сфере безопасности мощного, сплоченного, интегрированного евроатлантического сообщества (наглядным примером такого подхода являются высказывания сенатора Маккейна).

РПП: наш вывод-прогноз:

Ни для кого уже не секрет, что Атлантическая система переживает фундаментальные перемены. Межатлантические разногласия, возникшие начиная с конца 1990-х, нельзя считать преходящей аномалией - они знамену-

ют собой исторический перелом. Фундаментальные принципы, на которых строилась в послевоенные годы атлантическая система безопасности, оказались под угрозой. Интересы Америки и Европы разошлись, институциональное сотрудничество между ними уже нельзя воспринимать как аксиому, единая западная идентичность ослабла.

Владимир Путин в своей мюнхенской речи, выдержанной в подчеркнуто – и даже отчасти скандально, сенсационно – недипломатической тональности, обращался, как нам представляется, напрямую к «безмолвному большинству» европейцев, через головы политических лидеров стран Европейского Союза, все еще остающихся в плену евроатлантических иллюзий. Артикулируя назревшие антиамериканские эмоции европейцев, вызывающие беспокойство не только Вашингтона, но и официальных Парижа, Берлина, Лондона т.д., российский Президент по сути заявил о себе как о лидере европейского масштаба, политике нового типа, способного выразить наиболее актуальные тенденции общественного сознания и высказать их прямо, без дипломатических изысков и иносказательных оборотов.

Способны ли его высказывания увести европейских лидеров, чьи сограждане все более скептически относятся к политике США, с пути сотрудничества с Вашингтоном в осуществлении его глобальных внешнеполитических целей? Здесь реальной проверкой станет Иран. В Москве, судя по всему, пришли к выводу, что США пойдут на радикальные шаги только в том случае, если им удастся организовать некую коалицию, способную придать любым их действиям оттенок легитимности - а главным европейским партнерам Вашингтона, если, конечно, Иран не совершит чего-то ужасного, потребуется недвусмысленная санкция ООН. Продолжая настаивать на

дипломатическом решении проблемы - и поддерживая тезис о том, что односторонняя политика США является одной из главных причин, побуждающих другие государства к попыткам овладеть оружием массового поражения (в оборонительных, а не агрессивных целях) - Путин препятствует выработке единой евроатлантической позиции по Ирану.

Следующей по значимости целевой аудиторией мюнхенского выступления Путина являются политические элиты стран Третьего мира, многие из которых хотели бы видеть в России сильное, самостоятельное государство, играющее ведущую роль, занимающее место одного из главных игроков мировой политики. Многие аналитики обратили внимание на общий контекст мюнхенского выступления и последующего за ним ближневосточного турне Владимира Путина. Задача максимум, надо полагать, выходит далеко за рамки того, чтобы перед визитом в Саудовскую Аравию показать самостоятельность российской внешней политики, независимость российского курса. Речь идет о претензии Москвы на роль политического лидера «коалиции недовольных» однополярным мировым порядком последних десятилетий.

Наконец, есть еще одна пикантная подробность. Обращаясь к политической элите Соединенных Штатов (ведущие представители которой присутствовали в аудитории Мюнхенской конференции) Владимир Путин применяет прием «разделяй и властвуй». Отдавая себе отчет в том, что уже не только демократический конгресс, но и соратники по партии критикуют президента Джорджа Буша, российский лидер, с одной стороны, подливает масла в огонь критики внешнеполитического курса республиканской администрации, продолжая в то же время выражать свою поддержку лично президенту Бушу, называя его человеком, с которым «можно иметь дело». Текст выступления содержит очевидные указания на то, что, несмотря на все ошибки администрации Буша, Путин продолжает считать его своим другом, и что достижение договоренностей по вопросам, имеющим важное значение для политики

США, возможно (если, конечно, это все еще интересует американского президента). Но об этом позабыли, поскольку все внимание переключилось на Ирак. В общем, после резких слов Путин предлагает спасательный круг коллеге, оказавшемуся в трудной ситуации. Вопрос заключается в том, примет ли его Буш. И вопрос в том, насколько это существенно для России «спасать» безусловно уходящего президента США. Чисто по русски: благородно, но непрагматично.

На фоне множества комментариев нельзя не сделать еще один: о прочности почвы у российского президента для подобного рода демаршей. Тональность и недипломатичность речи психологически скорее демонстрирует слабость, а не силу, раздраженность и разочарование, чем предложение содержательного конструктива. Заявка на самозначимость России в мире при пристальном рассмотрении «зиждится» на экономике, практически полностью зависимой от экспорта углеводородов на тот же самый «обвиняемый» Запад. Сброс цен на нефть, как это было сделано для СССР и привело его к краху в 80е годы – сценарий и реальная угроза для России. Внутренняя экономика в результате либеральных реформ несравнимо более беспомощна, чем во времена СССР. Американский военный бюджет уже более 600 млрд. долл. Российский меньше раз в 50. Американцам добавить еще один-два «российских» бюджета к своим оборонным расходам вполне по силам как ответ на речь в Мюнхене. Поэтому баланс на поле российских стратегических интересов от мюнхенской мизансцены далеко не так однозначен. Заявляя о своей роли в мире фактически объявить собственную адресацию для изоляции со стороны Запада? Перед этим ослабить свои геополитические позиции, разменяв их на доходы Газпрома в ближней геополитической буферной зоне? Игра становится безусловно существенно более рискованной. Где-то можно даже представить себе удовлетворение на воображаемом лице гроссмейстера Бжезинского с его великой шахматной доской...

Речь Путина конечно связана и со стартом президентской кампании 2008 г. в России, и этот вывод имеет отношение уже

ко всем целевым аудиториям речи президента, как внешним, так и внутренним. Российский президент изложил внешнеполитические принципы, которых должен придерживаться его преемник. Это значит, что те на Западе, кто еще надеется на значительные изменения в российской политике «после ухода Путина», скорее всего, жестоко разочаруются. В Мюнхене было продемонстрировано, что российская элита выработала консенсус по вопросу внешней политики, которому будут верны все потенциальные преемники Путина - будь то Дмитрий Медведев, презентовавший свое политическое лицо участникам Давосского форума, или Сергей Иванов, сопровождавший Путина в поездке в Мюнхен.

При этом выступление Путина никак не напоминало речь «хромой утки», пользуясь американской терминологией. Политик, который бы рассчитывал после своей отставки быть принят в «цивилизованном» западном обществе, разъезжать с лекциями, никогда не позволил бы себе такого накала, такой откровенности, жесткости, такой справедливости в словах. Это речь лидера, который - в противоположность большинству нынешней российской элиты - не собирается уходить с политической арены, и не связывает свое будущее с комфортным проживанием в аристократических районах Лондона, Парижа или Нью-Йорка.

РПП: наш вывод-прогноз:

Все услышали стратегическую и мобилизационную речь российского руководителя, речь, обозначающую новый рубеж не только во внешней, но и во внутренней политике страны. Реакция на мюнхенское выступление предельно ясно демонстрирует, на кого Россия действительно может рассчитывать как на союзника, а на кого нет.

Ближневосточное турне Президента: от слов к делу

Ближневосточное турне Владимира Путина, бесспорно, является очень конкретным подтверждением серьезности намерений, высказанных им в мюнхенской речи. Россия заявила о себе как страна, окончательно вышедшая из фарватера американской политики, страна независимая, собирающая под свое крыло всех тех, кто недоволен современным мировым порядком.

Ближневосточное турне российского президента готовилось несколько лет. Подобное внешнеполитическое мероприятие, по оценке аналитиков, - действительно прорыв в отношениях стран Персидского Залива с Россией. Намечаются перспективы альянса Саудовской Аравии, Катара и России, - крупнейших экспортеров нефти и газа в мире. В принципе, даже намеки на возможность подобного союза – вызов для Запада, крайне озабоченного проблемой использования энергоресурсов как инструментов политического давления. Долгое время существовало убеждение в том, что подобный альянс не может сложиться ни при каких обстоятельствах, в частности, из-за разногласий в отношении исламского фундаментализма и ваххабизма.

После трагических событий 11 сентября 2001 года ситуация начала меняться – это было вызвано, в первую очередь, охлаждением отношений между Саудовской Аравией и США, чьи стратегические планы в отношении Большого Ближнего Востока уже явным образом противоречили интересам королевского дома саудитов. Внешнеполитические стратегии, направленные на перекраивание сложившегося в регионе положения вещей, подкреплялись и конкретными действиями по выдавливанию саудовского капитала из США.

Понимая, что ситуация может обостриться и стране грозит участь Афганистана и Ирака, правители Саудовской Аравии начали активный поиск новых союзников и через некоторое время решились пойти на контакт с Россией, что выразилось в историческом визите в Москву представительной офици-

альной делегации во главе с королем. Тот визит проходил в крайне нервной обстановке, поскольку именно в эти дни по странному стечению обстоятельств произошли кровавые события с захватом столичного театра на Дубровке чеченскими боевиками.

Интересно, что в следующем, 2003 году подобным образом сорвался визит теперь уже самого российского президента в Малайзию – еще одного важного игрока в исламском мире. Тогда этому помешали взрывы на Тушинском аэродроме в Москве. Тем не менее, с некоторым опозданием визит все же состоялся, что сразу дало повод для разговоров о резкой активизации «исламского вектора» российской внешней политики. Прошло еще два года, прежде чем этот вектор российской внешней политики принес весомый и крайне значимый для всего исламского мира результат: вступление России в качестве наблюдателя в Организацию Исламская конференция.

За последние годы удалось проделать большую работу, чтобы снять многие противоречия, осложнявшие двусторонние отношения со странами Персидского Залива, прежде всего с Саудовской Аравией и Катаром. Руководство арабских государств учло те озабоченности, которые высказывались Россией в связи с финансированием групп международных террористов и экстремистов на Северном Кавказе, и приняло меры: часть неправительственных организаций, замешанных в этой деятельности, закрыта, часть поставлена под жесткий контроль, для чего был создан специальный регулирующий орган. Кроме того, Саудовская Аравия была одной из первых стран, поддержавших российскую инициативу по вступлению в качестве наблюдателя в Организацию Исламская конференция, сыграв решающую роль в принятии положительного решения по этому поводу.

Со своей стороны, Россия во многом идет навстречу своим ближневосточным партнерам, она поддерживает инициативы Саудовской Аравии по Ближнему Востоку (в частности, инициативы, выдвинутые саудовским монархом (в то время – на-

следным принцем) в ходе бейрутского саммита Лиги арабских государств (ЛАГ) в марте 2002 г.). Арабская пресса с удовлетворением отмечает, что в России во все большей мере «происходит поворот к той ситуации, которая существовала в эпоху «холодной войны», когда Москва была очень близка к арабскому делу в целом и к палестинскому, в частности».

Немалое значение для нормализации двухсторонних отношений имеет и постепенно меняющееся в лучшую сторону восприятие исламским миром положения дел в области обеспечения прав и свобод мусульманского меньшинства в России. Наглядным подтверждением прогресса в этой области является опыт Татарстана, который олицетворял собой присутствующий в свите российского президента Минтимер Шаймиев. Главе Республики Татарстан была вручена Международная премия имени короля Фейсала в знак признания его вклада в возрождение культуры и исламских ценностей в Татарстане.

Важным направлением политического взаимодействия называют координацию действий по противостоянию международному терроризму. Важность этого направления была, в частности, продемонстрирована российским участием в состоявшемся в начале февраля 2005 г. в Эр-Рияде и инициированном Саудовской Аравией Международном антитеррористическом конгрессе.

Важна, однако, и экономическая составляющая саудовско-российских отношений. В последние годы сформировался устойчивый интерес российского бизнеса к промышленным и инвестиционным проектам в Саудовской Аравии. На сегодняшний день товарооборот между двумя странами составляет \$250 миллионов и его основная часть приходится на российский экспорт - металл, пиломатериалы, бумагу и зерно. В качестве перспективных направлений сотрудничества рассматриваются нефтегазовый сектор, энергетика, металлургия, транспортная инфраструктура, передовые технологии. Не случайно, что в составе российской делегации оказались представители отечественного крупного бизнеса и госкорпораций -

главы «Лукойл», РУСАЛа, АФК «Система», «Стройтрансгаза», «Рособоронэкспорта», «Газпрома» и РАО «РЖД».

Тем не менее, ведущие представители саудовских деловых кругов порой достаточно пессимистично оценивают современный уровень саудовско-российских экономических связей, подчеркивая одновременно, что они находятся только в начале процесса своего становления. Выступая на прошедшем в ноябре 2005 г. в саудовской столице научном симпозиуме «Саудовско-российские отношения: реальность и перспективы», генеральный секретарь Ассоциации саудовских торгово-промышленных палат Фахд бин Салех Ас-Султан подчеркнул: «Уровень торгово-экономических связей между королевством и Россией ниже, чем тот, который существовал в советскую эпоху». Экономические связи между обеими странами все еще нуждаются «в серьезном толчке, в разработке стратегии четкого видения постоянных интересов каждой из сторон в процессе реализации ими взаимодействия». Состоявшийся визит был призван сыграть роль такого толчка, способного привести к дальнейшему развитию и укреплению двусторонних связей и контактов.

Характеризуя значимость визита российского президента, газета «Эр-Рияд» признает, что Саудовская Аравия «нуждается в России, которая является важной составной частью земной цивилизации и развитой мировой экономики, совмещающая в себе дух Востока и культуру Запада». Назвав Россию «важнейшим элементом мирового энергетического рынка» и «важным игроком на мировой политической арене», газета отмечает, что Москва «может предложить решения застарелых проблем в сфере отношений между Ираном и его соседями, в области арабо-израильских разногласий, в деле мира, сосуществования и развития взаимодействия с исламским миром в соответствии с ценностями мировых религий».

Своеобразной сенсацией визита можно считать заявление Владимира Путина о том, что Россия не отвергла идею создания «газовой ОПЕК». Нужна ли такая организация, будет ли

она создана - «это отдельный разговор, но координировать свои действия производители газового сырья должны», убежден российский президент. Напомним, что незадолго до ближневосточного турне Владимира Путина с инициативой создания «газовой ОПЕК» выступил глава Исламской республики Иран аятолла Али Хаменеи. «Наши две страны, помогая друг другу, могут основать организацию, нацеленную на сотрудничество в газовой сфере, подобную ОПЕК», - заявил Хаменеи. Однако первоначальная реакция российской стороны на это предложение была подчеркнута сдержанной и холодной, чего не скажешь о соответствующих заявлениях, сделанных Владимиром Путиным в Катаре. Российская позиция в итоге представляется следующей: координация политики в области добычи и экспорта газа необходима, однако говорить о формализации этих отношений преждевременно. В апреле в Катаре состоится совещание по этому вопросу, в котором примут участие специалисты в области нефти и газа из России, представители крупнейших компаний.

С экономической точки зрения «газовая ОПЕК» мало выгодна главному экспортеру газа в РФ - «Газпрому», считают эксперты. Однако в политическом плане эта идея играет на руку Кремлю в его внешнеполитической игре с Евросоюзом. Грядущая либерализация европейского газового рынка могла бы стать для ЕС одним из инструментов давления на Россию. Тогда как перспектива создания газового картеля может использоваться Россией как способ припугнуть Европу и убедить ее не заходить слишком далеко в своей борьбе против российской газовой экспансии на Запад.

Интерес наблюдателей также вызвала встреча президента России и председателя Палестинской национальной администрации Махмуда Аббаса, состоявшаяся в аэропорту Аммана. Российская сторона поддержала достигнутые несколькими днями ранее договоренности о формировании правительства национального единства и прекращении межпалестинского противостояния, к которым пришли глава Палестинской ав-

тономии и руководитель Политбюро ХАМАС Халед Машааль в ходе консультаций в Мекке, состоявшихся по инициативе короля Саудовской Аравии.

Сергей Лавров заявил, что соглашение заключенное 8 февраля в Мекке между движением ФАТХ и ХАМАС приблизило палестинцев к выполнению требований 'квартета' о признании Израиля, отказу от терроризма и принятию ранее достигнутых соглашений. Надо заметить, что это очень щедрая интерпретация того, что произошло на самом деле, сильно расходящаяся с точкой зрения Израиля и США. Очевидно, российская позиция определяется тем, что Москва всегда выступала против изоляции ХАМАС, утверждая, что это движение исламского сопротивления надо подталкивать к превращению в чисто политическую силу.

Не ускользнул от внимания и тот факт, что программа ближневосточного турне Владимира Путина не предполагала визит в Израиль (это отчасти объясняется тем, что российский президент совершил беспрецедентный визит в Иерусалим в апреле 2005 года). Покидая регион, Путин направил своего эмиссара в Иерусалим, чтобы тот проинформировал израильского министра иностранных дел о проведенных переговорах.

Итоги поездки президента подтвердили, что Россия намерена использовать свое влияние в регионе Ближнего Востока для того, чтобы добиваться урегулирования сложившейся кризисной ситуации. Россия является реальной силой в ближневосточной политике, будучи единственной страной, способной разговаривать со всеми сторонами в регионе, включая ХАМАС, Хезболлу, Сирию и Иран.

По всем вопросам ближневосточной политики российский лидер делал акцент на необходимость предоставить народам «самим решать свою судьбу». Это было сказано и об Ираке, и о Палестинской автономии.

РПП: наш вывод-прогноз:

Роль России на Ближнем Востоке видится в качестве инициатора создания и одного из ключевых участников системы региональной безопасности стран Персидского залива, о чем незадолго до визита президента заявил секретарь Совбеза РФ Игорь Иванов. Опираясь на поддержку членов Совета безопасности ООН, Москва рассчитывает выработать «принципы равноправия» в этом регионе, тем самым закрепив эффект ослабления влияния США. Этот эффект тем более значим, что есть основания надеяться на поддержку российских предложений встречными инициативами из этого региона.

В числе российских инициатив – проведение региональной конференции с участием всех государств, на равноправной, недискриминационной основе, на которой были бы выработаны единые принципы, гарантирующие безопасность, суверенитет, независимость всех государств региона. Однако, как свидетельствуют итоги состоявшегося турне, предложение России о проведении международной конференции по Ближнему Востоку не вызвало полной поддержки со стороны арабских стран. Предложение поддержал только эмир Катара, а у Саудовской Аравии отношение к этому несколько иное. В итоге, Владимир Путин отметил, что не настаивает на проведении международной конференции и готов к работе в других форматах, в первую очередь в составе «квартета» ближневосточных посредников. Дипломатические эксперты расценивают эти слова и как определенную уступку Тель-Авиву в его нежелании обсуждать ближневосточную проблему сразу с группой арабских стран.

Таким образом, надежды на то, что одним визитом удастся разрушить антииранскую коалицию, вывести страны Ближнего Востока из-под традиционного в этом регионе влияния США, вряд ли можно оценить как реалистичные. Похоже, подобные цели и не ставятся Москвой на данном этапе.

Ирак: «коалиция желающих» сжимается

Конечно, это всего лишь совпадение, но очень уж многозначительное. Не прошло и двух недель после Мюнхенской речи Путина, как по целому ряду наиболее острых и актуальных проблем в области международной безопасности наметились подвижки, косвенно подтверждающие правоту оценок, данных российским Президентом.

Первый сюжет касается судьбы оккупировавшей Ирак «коалиции желающих», будущее которой становится все более неопределенным. Лондон заявил, что сокращает численность своего военного контингента. Вслед за Британией о выводе военных из Ирака объявили Литва и Дания.

Количество британских солдат, размещенных в Ираке в составе международного контингента, сократится с 7100 до 5500 человек. Об этом заявил в палате общин британского парламента премьер-министр страны Тони Блэр. Напомним, что еще два года назад в Ираке находилось 9 тыс. британских солдат, а во время боевых действий – 40 тысяч. По оценкам британских аналитиков, полный вывод войск Соединенного Королевства может быть завершен в 2008 году.

Объявление Блэра о частичном выводе британских войск из Ирака последовало за заявлением президента США Джорджа Буша о намерении направить в Ирак дополнительно 21,5 тыс. американских военных. В этой связи некоторые западные эксперты считают планы Великобритании признаком «стратегического раскола» в американо-британском альянсе. Вывод британских войск на фоне переброски дополнительных американских сил в Ирак, по их мнению, может серьезно ослабить «стратегические позиции» США в этой стране.

Впрочем, официальный Вашингтон формально поддержал намерения своего союзника, сославшись на сравнительно спокойную обстановку в зоне ответственности британского контингента на юге Ирака. Государственный секретарь США Кондолиза Райс отказалась признать готовящийся уход части

британских войск из Ирака «развалом коалиции». По словам главы американской дипломатии, «коалиция остается единой и прочной», так как тысячи британских солдат все же остаются в районе Басры.

Официальные оценки ситуации заметно контрастируют со сравнительно недавними (октябрь 2006) заявлениями начальника британского Генштаба Ричарда Дэнната. «Наше присутствие обостряет проблемы безопасности», — признался британский генерал. По его словам, население Ирака стало очень нетерпимо. Генерал Дэннат считает, что британская армия должна как можно скорее покинуть Ирак, иначе это приведет к катастрофическим последствиям для иракского и британского общества. Политику Тони Блэра в Ираке Ричард Дэннат назвал «наивной». «Как иностранца вас могут приветствовать в стране, если вас пригласили. Нас в Ирак не приглашали», — заявил глава британской армии. Случай, когда действующий глава армии публично критикует иностранную политику правительства страны, является для Великобритании беспрецедентным, что лишний раз доказывает, сколь глубоки противоречия внутри европейской политической элиты в отношении иракской авантюры, в которую их вовлекли американские союзники.

Впрочем, и в США оценки ситуации вокруг решения британского правительства неоднозначны. «Объявленная премьер-министром Блэром передислокация британских войск является потрясающим отказом от высоко рискованной иракской политики президента Буша», — говорится в распространенном в Вашингтоне заявлении сенатора-демократа Эдварда Кеннеди. «Как бы ни пытался Белый дом придать этому положительную окраску, британское правительство приняло решение разойтись с президентом Бушем и начать выводить свои войска из Ирака», — заявил сенатор, напомнив, что уже 18 стран, участвующих в коалиции, вывели или значительно сократили свои войска.

Вслед за Великобританией решение о выводе своих солдат из Ирака приняли в Дании. «Дания выведет все свои сухопут-

ные войска из Ирака к августу и заменит их небольшим вертолетным подразделением», – заявил премьер-министр Андерс Фог Расмуссен. Датский контингент служил в Ираке под началом британского, поэтому шаги Копенгагена и Лондона, скорее всего, были согласованы руководством двух стран заранее.

Более неожиданным стало аналогичное заявление литовского руководства, с заслуживающей внимания формулировкой. «Мы планируем вывести свои войска, поскольку это делают Великобритания и Дания», – сказал министр обороны Литвы Юозас Олекас. По его словам, литовское подразделение, насчитывающее всего 53 военнослужащих, останется в Ираке до августа 2007 года – срок, когда Дания начнет вывод своих войск.

В иракскую коалицию входят на данный момент примерно 169 тыс. военных из 23 стран. За все время войны в Ираке и послевоенной оккупации изначальная коалиция потеряла уже 15 стран. Самыми скандальным и ощутимым для коалиции стали прошлогодний уход из Ирака Испании и Италии. Итальянский контингент был самым многочисленным (3 тыс. человек) после американского (153 500 человек) и британского (7100). Вывод 1400 испанских военных также обескровил коалицию. К настоящему времени коалицию покинули или сократили свои контингенты до символических также Венгрия, Япония, Доминиканская Республика, Новая Зеландия, Голландия, Гондурас, Никарагуа, Норвегия, Филиппины, Сингапур, Словакия, Таиланд, Тонга, Латвия и Украина. О сокращении военного контингента думают Польша, Южная Корея и Румыния.

Ситуация все больше напоминает «принцип Домино»: очевидно, накопившееся у американских партнеров за последние годы нежелание разделять политическую ответственность за последствия проводимой США политики в отношении Большого Ближнего Востока нуждалось только в удобном поводе, чтобы получить выход. И в данном случае не так важно, что именно послужило таким поводом.

Действия британского союзника способны оказать влияние и на внутривнутриполитическую ситуацию в США. Когда в начале де-

кабря американскому президенту нужно было отстоять свое «видение» ситуации в Ираке и дать ответ комиссии Бейкера, требовавшей поэтапного вывода американских войск, Джордж Буш настоял на приезде Тони Блэра в Вашингтон. Рядом с ним он мог говорить о двух категориях лидеров: тех, кто понял важность борьбы с терроризмом, и тех, за которых потомкам «будет стыдно». Президент США хотел бы выглядеть не упрямым руководителем, старающимся оправдать прошлые ошибки, а нравственным вождем просвещенной коалиции.

РПП: наш вывод-прогноз:

С каждым днем желание американцев отстоять свое видение ситуации все больше расходится с действительностью. Дальнейшее наращивание американского контингента в соответствии с т.н. «новой стратегией» американской администрации не только наталкивается на растущее неприятие в США, но и входит в противоречие с поведением союзников.

**Размещение американской системы ПРО в Европе:
камень преткновения**

Следующий актуальный сюжет на тему международной безопасности связан с набирающим обороты противостоянием вокруг планов размещения американских элементов системы ПРО в Чехии и Польше.

Проблема размещения в последние недели выдвигается на роль едва ли не главного, с оттенком скандальности, камня преткновения в российско-американских взаимоотношениях, при этом Москва предпринимает активные усилия к тому, чтобы по возможности максимально интернационализировать

ситуацию, стремясь придать ей масштаб кризиса международной системы безопасности в целом. Аргументы, которые при этом выдвигаются российской стороной, вызывают некоторое недоумение у специалистов.

Теме размещения американских ПРО вблизи российских границ было уделено повышенное внимание в мюнхенской речи президента, при этом приведенные аргументы были выдержаны в нарочито доступном и простом для восприятия духе. Владимир Путин предложил аудитории вооружиться карандашом и линейкой и прочертить прямую линию по карте между источниками потенциальной угрозы (Ираном, Северной Кореей) и предполагаемыми целями (США, Европа), сопоставив полученный результат с предполагаемым местом расположения систем ПРО. При этом у участников эксперимента должно было возникнуть ощущение, описываемое русской пословицей «правой рукой дотягиваться до левого уха».

Не вдаваясь в технические детали, следует все же, справедливости ради, заметить, что подобная аргументация едва ли могла убедить слушателей, имеющих хотя бы минимально необходимые экспертные знания в области баллистики и принципов действия противоракетных оборонительных систем. В силу ряда обстоятельств – в частности, учитывая шарообразную форму планеты, траектория полета ракет будет иметь форму дуги большого радиуса, а не прямой; также в силу технических особенностей ПРО, эффективность перехвата ракет вблизи их стартовых позиций крайне низка, и т.д. – следует признать, что выбранное американцами место размещения элементов ПРО является почти оптимальным, если речь действительно идет об угрозе со стороны Ирана.

И практически бесполезным, если речь идет о российских межконтинентальных ракетах, которые если и полетят в США через Европу, то только на пропагандистских плакатах из серии «Откуда исходит угроза миру». О крайне низкой эффективности американских противоракетных технологий можно даже не упоминать. Другими словами, вся совокупность фак-

торов свидетельствует о том, что компоненты американской системы ПРО не представляют, и в обозримой перспективе не будут представлять реальной угрозы для российского ракетно-ядерного потенциала как инструмента сдерживания.

Принимая во внимание, что среди участников Мюнхенской конференции по безопасности, слушавших выступление российского президента, людей случайных и далеких от обсуждаемой проблематики быть не должно, остается сделать вывод, что аргументы российской стороны против размещения американских ПРО в Восточной Европе рассчитаны не на политиков (и тем более не на военных), а на широкую европейскую (и внутрироссийскую) общественность.

Фактически Москва в споре вокруг размещения американских ПРО применяет метод «черного пиара», выдвигая заведомо некорректные и необоснованные, но зато понятные простому обывателю обвинения. При этом оставляя за противной стороной возможность оправдываться, приводя сложные технические аргументы, заведомо не воспринимаемые большинством слушателей. Прием хоть и не очень честный, зато эффективный, и неоднократно применявшийся нашими западными партнерами против самой России.

На тот же пиар-эффект, как нам представляется, рассчитаны и последовавшие через несколько дней после мюнхенского выступления Владимира Путина заявления с российской стороны в развитие темы. Командующий Ракетными войсками стратегического назначения генерал-полковник Николай Соловцов заявил: если Польша и Чехия примут решение о развертывании элементов ПРО США, то российские РВСН могут нацелить свои ракеты на эти объекты.

В подтверждение серьезности своих намерений высокопоставленные российские дипломаты и военные не исключают возможности выхода России из ключевого для современной системы международной безопасности российско-американского Договора о ракетах средней и меньшей дальности. Главком РВСН, в свою очередь, заявил, что в случае необходимо-

сти производство ракет средней дальности будет восстановлено в РФ в кратчайшее время. «Восстановить производство при принятии соответствующего решения будет несложно, и в кратчайшее время, если понадобится, производство этих комплексов будет восстановлено... примерно через 5-6 лет эта задача может быть решена».

РПП: наш вывод-прогноз:

Если рассматривать эти заявления по ПРО с российской стороны как элементы планомерной и согласованной информационно-психологической кампании, следует признать последнюю достаточно эффективной. Реакция «целевых аудиторий» - европейской общественности и политических элит - оказалась достаточно оперативной и предсказуемой, одновременно подтвердив ожидания того, что выбранная Москвой линия поведения произвела запланированный эффект неожиданности. Вместе с тем, и это в истории уже однажды было, вместо раскола по линии США-Европа, Россия столкнется с активизацией западной и антироссийской консолидации. Зачем это России, почему кремлевские аналитики этого не просчитали?

И не нужно ли задать еще один «странный» вопрос - а не является ли этот внешнеполитический сценарий в многослойном политическом пространстве не российским, а американским, имея в виду, что до конца не пережито наследие ельцинских времен, когда экспертное пространство России было наполнено советниками, помощниками, экспертами, по совместительству сотрудниками ЦРУ, либо имевшими двойное гражданство, либо женатыми по схеме почившего Шевченко или Ющенко на непростых американках, когда экспертное пространство России «упростилось» до уровня букварей из либерального портфеля и ... в общем вполне понятно о чем

идет речь. Совсем недавний пример кремлевского советника А.Илларионова, который ряд лет давал «советы» и в пришедший момент оказался в очень красноречивом пространстве своего настоящего работодателя за океаном (своих не бросают). Можно напомнить, что пресловутая монетаристская борьба с инфляцией по формулам Кудрина и либеральной команды обходится стране выводом из экономики уже почти полутора триллионов долларов. В том числе из чувствительных высокотехнологических оборонозначимых отраслей.

Вопрос нужно задать открытый: в какой мере практикующий институт экспертизы в выработке политических решений России самого высокого ранга является профессиональным и стратегически пророссийским?

Первый сигнал, свидетельствующий об озабоченности и колебаниях в оценках европейских политиков в отношении сложившейся ситуации прозвучал со стороны министра иностранных дел Германии Франка-Вальтера Штайнмайера: «Эксперты должны определить, имеет ли данная система смысл с военной точки зрения, - заявил он, - но я выступаю за осторожный подход и интенсивный диалог со всеми партнерами, на которых данная система оказывает прямое или косвенное воздействие ... следовало бы заранее поговорить с русскими, поскольку места развертывания ПРО находятся недалеко от российских границ».

Министр обороны Германии Франц Йозеф Юнг также подверг это план критике, заявив, что данный проект может поставить под угрозу «интересы нашей безопасности».

В свою очередь, координатор правительства ФРГ по германороссийскому сотрудничеству Андреас Шоккенхоф поспешил признать, что опасения Москвы, связанные с планами размещения американских ПРО в Восточной Европе, следует уважать и учитывать: «Мы не можем просто размещать вблизи России такие системы, не привлекая ее к стратегическому диалогу».

Упреки Германии обнажили трения внутри НАТО по поводу проекта ПРО. Поляки и чехи утверждают, что их участие

укрепит безопасность Европы и стран-членов НАТО. В то же время, в ряде европейских столиц обратили внимание на то, что планы «экспорта» американской ПРО обговариваются в обход НАТО, на двусторонней основе с отдельными правительствами. Это не может импонировать европейцам, настаивающим на союзнических консультациях. По мнению депутата Европарламента и эксперта по оборонным делам Ангелики Беер, односторонние действия Белого дома в вопросе ПРО «несовместимы» с трансатлантическим партнерством.

В самих Польше и Чехии далеко не все политические партии готовы согласиться с новыми объектами Пентагона. Например, против американской программы высказывается Анджей Леппер – лидер партии «Самооборона», входящей в правящую коалицию Польши.

Тем временем нарастает европейская дискуссия о планах Пентагона, причем не без влияния оценок, высказанных российским президентом в Мюнхене. Один из ключевых моментов внешнеполитического послания президента заключается между тем в бесперспективности создания международной системы безопасности, в том числе противоракетной обороны, без активного участия России. Москва неоднократно предлагала строить совместную систему европейской ПРО, но пока безрезультатно. Мы до сих пор формально ведем переговоры с США о строительстве совместной глобальной системы. Надо полагать, именно в доведении этой мысли до западных партнеров и состоит задача максимумально развернутой Россией информационной кампании против размещения американской системы ПРО в Европе. Время покажет, насколько эффективными окажутся предпринимаемые в этом направлении усилия.

РПП: наш вывод-прогноз:

Не менее (если не более) значимым результатом проводимой в настоящее время кампании, начатой в Мюнхене, может стать отработка инструментов информа-

ционного воздействия на европейское общественное сознание, на внутривнутриполитическую ситуацию в западных странах, и как следствие, на проводимую ими политику в отношении России. Развернутая Советским Союзом в 80-е годы аналогичная кампания против размещения американских крылатых ракет в Западной Европе это определенный опыт, который тоже не стоит забывать. Пусть даже смысловое содержание проводимой кампании на сегодняшний день оказывается по преимуществу негативным, нацеленным скорее на запугивание европейского обывателя; важно отработать инструментарий, а уж наполнить его конструктивным содержанием – дело времени.

Экономическая политика

Диверсификация производства: от «сырьевого придатка» к экономике инноваций

Во внутривнутриполитических инициативах последних недель отчетливо проявилась одна из ключевых составляющих мюнхенского выступления Владимира Путина – а именно, мобилизационная. В феврале мы стали свидетелями поворота в риторике в сторону промышленной политики.

Отечественные эксперты неоднократно указывали на то, что России, чтобы вернуться в глобальную экономику в качестве игрока, в заметной степени формирующей хозяйственную парадигму, необходима «политика сверхиндустриализации». Одной из главных ее составляющих является «стимулирование все более активного включения в хозяйственную деятельность финансово сильных отраслей крупных инновационных центров, способных конкурировать с ведущими мировыми корпорациями». В условиях сохраняющейся (и даже усугубляю-

щейся) сырьевой ориентации российской экономики решить эти задачи невозможно, отсюда потребность в новой промышленной политике.

Контуры такой политики были намечены Владимиром Путиным еще в первых числах февраля в ходе встречи с представителями Российского союза промышленников и предпринимателей (РСПП), состоявшейся в начале февраля. Президент дал понять, что на данный момент «сформированы возможности для того, чтобы предпринять согласованные действия по более рачительному использованию природных богатств страны, переориентируя экономику на инновационный путь развития».

При этом первые, минимально необходимые шаги в этом направлении связаны с развитием системы переработки сырья и увеличением доли обрабатывающих производств с высокой степенью добавленной стоимости. «Прямо говоря, нам надо сделать качественные шаги - от простой эксплуатации природных ресурсов к их глубокой переработке. И на этой основе развивать инновационную экономику».

Президент призвал бизнес обратить внимание на модернизацию промышленности, инфраструктурные проекты, а также предложенные государством финансовые институты развития.

Как и предполагали эксперты еще накануне встречи в Кремле, отечественные предприниматели-сырьевики, составляющие основу бюро правления РСПП, готовы диверсифицировать свой бизнес прежде всего в обмен на налоговые и таможенные льготы. Участники встречи вновь подняли вопрос о судьбе НДС: на выбор правительству вновь предлагается либо снижение ставки налога, либо наведение порядка с его возмещением при экспорте. Кроме того, РСПП предлагает введение каникул по налогам на прибыль и на имущество для вновь создаваемых перерабатывающих производств (по аналогии с льготами экономических зон). РСПП также требует от Минфина либерализовать амортизационную политику, ввести консолидированную налоговую отчетность для холдингов (это позволит

им оптимизировать финансовые потоки). В таможенной сфере бизнес намерен лоббировать снижение экспортных пошлин на продукцию высокого передела.

Из перечисленного Минфин пока готов поддержать лишь введение единой отчетности для холдингов по налогу на прибыль. Отношение же к налоговым льготам вне зон и возможному снижению НДС у Минфина скорее отрицательное. Минэкономразвития, в чьем ведении находится таможенно-тарифная политика, готово поддержать снижение экспортных пошлин на готовую продукцию, но только в обмен на их увеличение на вывоз сырья.

По всей видимости, в ближайшем будущем можно ожидать более широкой практики снижения пошлин на ввозимое оборудование, не производящееся в России, - эта мера получила поддержку президента. Следует ожидать и более интенсивной коррекции налогового режима - активизирует свою деятельность рабочая группа РСПП с участием Минфина.

Скрывать, во сколько обойдется возрождение обрабатывающей промышленности, предприниматели не стали: по оценке Александра Шохина, поставленные президентом задачи могут быть решены не менее чем за семь-десять лет и за сотни миллиардов долларов. Разговор с президентом был конкретный, речь шла и о суммах, и о сроках реализации проектов. Поскольку выйти на мировые рынки с продукцией глубокой переработки намного сложнее, чем с сырьем, необходимо обеспечить благоприятную ситуацию на мировых рынках для российских компаний. В общем, здоровый протекционизм на основе государственно-корпоративного партнерства здесь необходим.

РПП: наш вывод-прогноз:

Итоги встречи президента с руководством РСПП не произвели особого впечатления на элиты, которые в большинстве своем склонны видеть в этом дежурное

мероприятие, результаты которого по сложившейся традиции будут иметь декларативный характер. Вместе с тем, определенные мотивы, прозвучавшие в выступлении Президента, оказались действительно неожиданными. В широком контексте событий последнего времени они приобретают значимый, концептуальный характер, указывающий на возможность смены вех в политике Кремля.

Президент удивил участников встречи тем, что усомнился в необходимости первенства России в области нефте- и газодобычи. На фоне его же прежней установки о превращении России в энергетическую сверхдержаву такая постановка вопроса действительно выглядит, на первый взгляд, странно. Однако только на первый.

Дело даже не в том, что лозунг «энергетической сверхдержавы», будучи сведенным к показателям объемов добычи сырья, начинает устойчиво ассоциироваться с унижительным словосочетанием «сырьевой придаток» (на что неоднократно указывали эксперты), и тем самым приобретает как минимум сомнительный электоральный эффект. Вместо мобилизационной функции он приобретает прямо противоположный эффект, формируя паразитические и популистские настроения в обществе.

Проблема осложняется тем, что и в своей внешней составляющей, - предполагающей активную экспансию российского государства и капитала вовне, использование природных богатств в качестве инструментов усиления политического влияния и вхождения (прежде всего в лице экономических элит) в мировую систему на правах ведущих участников, - доктрина «энергетической сверхдержавы» продемонстрировала, по большому счету, свою ограниченность.

Былые надежды Кремля на стратегический энергетический альянс с ведущими странами Западной Европы, в первую оче-

редь с Германией, оказались иллюзорными, в лучшем случае опередившими свое время. Запад наглядно продемонстрировал, в каком качестве он сегодня готов вести дела со своим «сырьевым придатком». Попытки разбогатевшей на сырьевом бизнесе элиты в индивидуальном порядке прорубить свое «окно в Европу» также не увенчались успехом: «куршевельские» и подобные им скандалы ясно показали отношение европейцев к отечественным нуворишам и их капиталам. Наконец, тезис о взаимозависимости экспортеров и импортеров энергоресурсов, - который был призван усиливать ощущение западных контрагентов в безальтернативности России в качестве надежного стратегического партнера, - обнаружил обратную сторону медали, когда в «энергетический диалог» так некстати для Москвы вмешалась «третья сторона» в лице стран-транзитеров. Выявив и осознав степень зависимости России от фактора транзита, эти страны продемонстрировали завидную способность к самоорганизации и артикуляции своих общих экономических интересов, практически выставив Москве ультиматум в виде угрозы формирования нового, уже не «железного» а нефте-газового «зана-веса», способного в случае его реализации достаточно эффективно сдерживать амбиции «энергетической сверхдержавы».

Перед лицом всех этих обстоятельств, прежняя доктрина объективно нуждается в существенной коррекции. Следует признать, что ставка на углубленную переработку природного сырья в сложившейся ситуации, - первый, и очень скромный шаг в нужном направлении, позволяющий хотя бы немного ослабить удавку зависимости от наших «заклятых друзей», как ближних так и дальних. Однако не забудем и ушедшую в историю инициативу президента об удвоении ВВП. Кроме информационного шума - дела не последовало.

РПП: наш вывод-прогноз:

Доктрина «энергетической сверхдержавы», не исчерпав себя (по сути Россия и дальше будет делать

ставку на энергоресурсы), оказалась в сложившихся обстоятельствах недостаточно удачной и уязвимой с точки зрения позиционирования России как страны, восстанавливающей свое политическое и экономическое влияние в мире. В Кремле, по всей видимости, решили подвергнуть корректировке энергетический курс и сбалансировать его задачами развития переработки.

Состоявшееся в Волгограде заседание Госсовета, посвященное промышленной политике, кажется, даже у пессимистов не оставило сомнений в серьезности намерений Кремля изменить вектор развития отечественной экономики. Мероприятие одновременно стало поводом для презентации Сергея Иванова в новом качестве первого вице-премьера, в соответствии с новым распределением обязанностей отвечающего в Правительстве за данное направление. Стало окончательно ясно, что задачи, обсуждавшиеся в ходе встречи с руководством РСПП, были только разминкой.

На заседании президент поставил глобальную задачу перехода развития российской промышленности на современную модель, интегрированную в межрегиональные и глобальные кооперационные связи.

Одновременно получила расшифровку фраза президента о сформировавшихся условиях для изменения парадигмы экономического развития, воспользоваться которыми он призывал ранее собеседников из РСПП. Речь идет о комплексе мер, включающем нормативно-правовое обеспечение (разработать и принять федеральный закон «О государственном прогнозировании и социально-экономическом развитии Российской Федерации», сформировать нормативную правовую базу для заключения инвестиционных соглашений между органами исполнительной власти РФ и коммерческими организациями по реализации инвестиционных проектов в отдельных отраслях промышленности, предусматривающих предоставление раз-

личных форм государственной поддержки), меры стимулирования (субсидирование процентных ставок по кредитам, предоставляемым на расширение выпуска высокотехнологичной продукции, другие меры направленные на увеличение объемов экспорта промышленной продукции), организационно-техническое содействие (вопросы оформления земель, получения разрешений и согласований, в том числе на использование энергетических сетей и коммунальной инфраструктуры). Предполагается сформировать «систему институтов развития: Банк Развития, Россельхозбанк, Росагролизинг, Инвестиционный фонд, Венчурный фонд», которые будут задействованы в работе по развитию приоритетных секторов российской экономики.

Президент Путин считает, что государство как главный акционер многих промышленных активов должно активнее влиять на состояние промышленной среды, и призывает в ближайшее время завершить реструктуризацию активов крупных холдингов в авиастроении, микроэлектронике, оборонно-промышленном комплексе.

Не обошлось и без амбициозных целевых установок: в дополнение к известной задаче удвоения ВВП, Правительству определили ориентир удвоить инвестиции в основной капитал России к 2010 году. Пренебрегая намерениями «единороссов» исключить из лексикона российских чиновников упоминание иностранных валют, президент упомянул, что в долларовом эквиваленте прирост инвестиций в основной капитал в России в ближайшие четыре года должен составить 40 миллиардов. Отметим при этом, что непокрываемые инвестиционные потребности страны в год составляют более 100 млрд долл.

Слова Президента о том, что в целях стимулирования промышленного роста необходимо «вместе с правительством и с представителями бизнеса посчитать, есть ли возможность немножко «ужать» энергетиков или нет, а если есть, то насколько» заставили крепко призадуматься представителей соответствующих естественных монополий. Впрочем обладеживаю-

щие слова нашлись и для Анатолия Чубайса: урезание appetитов энергетиков не должно «подорвать инвестиционную базу энергетики»: ограничения в потреблении электроэнергии для промышленных предприятий уже сейчас серьезный ограничитель для роста экономики. Президент согласился с тем, что в системе лимитов на энергоносители назрела необходимость изменений. Отдельно была поднята проблема выравнивания энергетического баланса в стране, что на практике означает рост внутренних цен на газ.

В целях реализации комплексной промышленной политики предполагается разделить полномочия между федеральным центром и субъектами РФ, чтобы регионы могли формировать собственные программы и мероприятия для реализации «специфических конкурентных преимуществ конкретного региона», сообщил кремлевский представитель. Таким образом, центр тяжести в области стимулирования развития промышленности и повышения ее конкурентоспособности в значительной степени смещается в регионы. Следующим шагом станет проведение кластерной политики, в рамках которой разработают Концепцию формирования региональных территориально-производственных кластеров (специальных экономических районов).

РПП: наш вывод-прогноз:

Идея новой промышленной политики выглядит крайне не привлекательной с учетом электоральной составляющей. Куда приятнее и престижнее акцентировать в ходе избирательной кампании тему прорыва России в высокотехнологические сферы, чем говорить о торговле нефтью и газом, выслушивая в ответ вполне обоснованную критику по поводу проедания невозполнимых природных богатств и деградации промышленного потенциала страны. Стоит учитывать и то обстоятельство, что электоральный потенциал Национальных проектов,

на которых делалась ставка в последние годы, по общим оценкам в значительной мере исчерпан, поэтому требуется новый, привлекательный мобилизационный проект. Более того, всё чаще звучат оценки о неуправляемости и дезорганизованности национальных проектов, в особенности «Доступное жильё». В результате обновлённый подход к экономической политике, направленный на инновации и развитие промышленности будет весьма востребован. Но, как и в случае с национальными проектами, проблему исполнения никто не отменял, а реализацию промышленной политики, к сожалению, МЭРТ, Минфин и Минпром понимают по своему, не говоря уже об участии Центробанка.

Все это позволяет сделать вывод о том, что в стране фактически дан старт пиар-президентской кампании, при этом инициатива новой промышленной политики, в сочетании с внешнеполитическими акцентами, расставленными в Мюнхенском выступлении, формируют смысловое ядро политического курса, проводить в жизнь который призван будущий глава государства. При этом главная угроза в области экономики, чтобы новый политический курс вновь не превратился в информационную кампанию, не подкреплённую реальными управленческими усилиями.

Политические элиты

Кадровые перестановки в Правительстве

Кадровые решения февраля очевидным образом направлены на закрепление «линии преемственности» в политике, идеологию которой изложил в Мюнхене В.Путин. В широком

смысловом контексте все политические инициативы нынешнего сезона, включая внешнюю, внутреннюю и кадровую политику – знак внутренней эволюции российского руководства в определенном направлении. Протоестественная, с точки зрения российского исторического самосознания прозападная политика завершается аккордом в «естественном» (традиционном) направлении.

Сергей Иванов покинул пост министра обороны и был назначен первым вице-премьером, причем сферу его новой ответственности можно определить как инновационную промышленную политику. Как заявил сам Путин, это решение связано с желанием «расширить сферу ответственности Сергея Иванова». По словам президента, помимо уже привычного военно-промышленного комплекса Иванов будет координировать часть гражданского сектора экономики. Путин напомнил, что «одна из главных проблем, которую мы вместе решаем, — это придание российской экономике более инновационного характера, и здесь крайне важно было бы сочетать возможности ВПК и других секторов». Выбор мобилизационной парадигмы предполагает, что государство всерьез намерено заняться модернизацией и диверсификацией экономики в сторону высокотехнологичных отраслей, а локомотивом высоких технологий в России всегда был военно-промышленный комплекс – и именно этот участок работ будет курировать Иванов.

Вместе с тем, нужно напомнить что в 2002 г в российском правительстве уже появлялся вице-премьер с задачей разработки промышленной политики – Б.Алешин. До тех пор пока не будет пересмотрена парадигма примата Минфина в экономической политике, пока не произойдет отказа от абсурдной монетаристской политики стерилизации, все слова о промышленной политике останутся словами.

Что до удивления, которое высказывают некоторые комментаторы насчет назначения на пост Министра обороны экс-главы налогового ведомства Анатолия Сердюкова, то оно понятно, – но при этом вполне объяснимо и кадровое реше-

ние президента. «В нынешних условиях для организации этой работы, связанной с расходом огромных бюджетных средств, нужен человек с опытом работы в экономической сфере», — так прокомментировал это назначение Путин. Ничего большего от нового министра никто и не ожидает, принимая во внимание, что стратегия военного строительства будет, как и прежде, разрабатываться под руководством самого президента и под контролем первого вице-премьера Иванова.

Что касается сугубо военных функций — то и тут все логично: на встрече с Юрием Балуевским Путин не случайно упомянул о том, что роль Генштаба будет возрастать. Гражданский министр плюс начальник генштаба — вполне стандартная комбинация, распространенная на Западе. Не следует забывать, что и сам Сергей Иванов позиционировался как гражданский министр, и в среде кадровых военных именно в таком качестве и воспринимался (чего не скажешь о широкой общественности).

Анатолий Сердюков тоже из «питерских» и действительно имеет большой опыт работы в экономической сфере. Взлет его политической карьеры совпал с приходом к власти президента Путина: за каких-то четыре года Сердюков сделал головокружительную карьеру в налоговых органах, начав в октябре 2000-го с должности заместителя руководителя инспекции МНС России межрайонного уровня по работе с крупнейшими налогоплательщиками по Санкт-Петербургу. С переизбранием Владимира Путина Анатолий Сердюков занял пост министра РФ по налогам и сборам, 27 июля 2004 года был назначен руководителем Федеральной налоговой службы.

Наиболее вероятная причина такого назначения состоит в том, что Кремль хочет видеть во главе Минобороны только абсолютно надежного человека, а когорты таких не очень велика и о наличии в ее составе профессиональных военных ничего не известно. Поэтому пока на эту должность назначен человек без особого аппаратного веса и амбиций — как фигура сугубо техническая и, видимо, временная. Впрочем, воз-

можно, что это «временное» назначение сохранится вплоть до президентских выборов.

РПП: наш вывод-прогноз:

Тактика «временного управления» в Министерстве обороны понятна, но что будет, если избранная модель будет отличаться стабильностью? Все признаки этого налицо: «настройка Правительства», объявленная Президентом и Премьер-министром, а также новое перераспределение полномочий между вице-преьерами. Усиление административных и регулятивных функций Правительства проведено: полномочия распределены. По сути, это возвращение к устоявшейся практике до 1999 года, когда Правительство обладало значительными административными полномочиями по управлению экономическими процессами в стране.

Но на фоне этого возвращения весьма логичным был бы вопрос – насколько вице-премьеры с их минимальным аппаратом при отсутствии сильных подчинённых министерств смогут справляться с управленческими задачами? На этом фоне тем более нелогично ослабление одного из ключевых, структурированных и наиболее специфичных из всех министерств. Назначение нового министра обороны можно охарактеризовать именно как ослабление управленческого потенциала министерства, так как достаточно очевидно, что специфика управления военного ведомства ему не знакома. В итоге налицо назначение успешного менеджера довольно специфической квалификации на одно из ключевых направлений в российской политике и экономике. Это даёт нам право сделать прогноз о существовании определенной спецзадачи, необходимой для разрешения новым министром обороны, который внедрен по схеме внесистемного решения. Обычно это требуется, когда

внесистемный руководитель должен реформировать, разрезая по живому ведомство, либо когда нужно порушить мафиозные связи в системе. Например, такой же внесистемный Грызлов на посту министра МВД обозначил кампанию разоблачений оборотней в погонах.

Однако, с точки зрения устойчивой работы Правительства – назначение на специфический участок работы, тем более очевидно проблемный, менеджера несвязанной квалификации для решения сепаратной спецзадачи выглядит как минимум управленчески неоправданной. Вывод вполне логичен – по всей видимости политический вес назначения перевешивает управленческие рекомендации по согласованной работе Правительства. Это, отчасти, подтверждают, и новые инициативы в области экономической политики.

Выбор кандидатуры Анатолия Сердюкова в качестве нового министра обороны, помимо прочего, опровергает прозвучавшие в зарубежной прессе (в связи с формальным повышением Сергея Иванова) опасения, что последние внешне- и внутриполитические инициативы Владимира Путина свидетельствуют о резком усилении влияния ястребов-силовиков в окружении президента. На этом фоне вполне прозрачно может просматриваться и спецзадача нового министра. Зная настроения в военном сообществе России, не составляет труда понять, что такая кандидатура на посту министра обороны будет воспринята скорее как недоверие в отношении кадровых военных (отчасти усилим акценты, напомнив, что некоторыми функционерами в военных кругах новое назначение было воспринято как оскорбление), чем стремление укрепить их влияние на проводимую политику.

Повод для президентского недоверия военным тоже очевиден – коррупция. Ежегодно гособоронзаказ увеличивается на 25-30%, в то время как количество приобретенной техники остается практически прежним и не выходит за пределы все

тех же 3%, и так из года в год. Генералы входят в советы директоров и ревизионные комиссии компаний, у которых сами же закупают вооружения. Нельзя сказать, что Сергей Иванов не понимал суть проблемы. Более того, многие его инициативы в последнее время были продиктованы именно антикоррупционными соображениями. Однако, пребывание его на посту министра обороны придавало всей ситуации неверные акценты: так, назначение С.Иванова главой Объединенной авиастроительной корпорации было воспринято наблюдателями как апофеоз смычки армии и бизнеса: сами себе делают военные заказы, сами оплачивают, сами контролируют.

РПП: наш вывод-прогноз:

В свете развития коррупционной ситуации в военном ведомстве, уход Сергея Иванова выглядит вполне логичным и оправданным. В частности, теперь ситуация вокруг анонсированных буквально накануне кадровых перестановок созданием Федерального агентства по поставкам вооружений, военной, специальной техники и материальных средств приобретает нужный аппаратно-политический оттенок. Как и Сергей Иванов, полагаем, что новая структура будет иметь антикоррупционную составляющую, поскольку в агентстве не будет военных, а само оно не будет входить в министерство обороны.

Если еще недавно такие высказывания в устах действующего министра обороны звучали, по меньшей мере, двусмысленно, то теперь они приобретают адекватное звучание. В этом отношении, Анатолий Сердюков с его опытом по выявлению теневых схем и механизмов в финансовой сфере, может стать для первого вице-премьера незаменимым помощником на своем новом посту.

Еще один любопытный момент, связанный с кадровыми перестановками, – назначение вице-премьером главы аппарата

правительства Сергея Нарышкина. Судя по всему, речь идет об инициативе Михаила Фрадкова – создать в правительстве единый блок, связанный с вопросами внешнеэкономической деятельности. Тоже вполне логично: в последние годы руководство данной сферой оказалось распыленным между несколькими ведомствами, что вносило определенную неразбериху. «Председатель правительства считает целесообразным усилить направления работы во внешнеэкономической деятельности, прежде всего в направлении СНГ», — пояснил Путин, подчеркнув, что согласен с этим предложением.

Эксперты обращают внимание на то обстоятельство, что в последние годы де-факто основные проблемы взаимоотношений с СНГ касались цены на газ и его транспортировки, то есть замыкались на «Газпроме». Теперь их будет курировать «негазпромовский» человек. Сергей Нарышкин является членом совета директоров НК «Роснефть».

Полномочия Сергея Нарышкина, по оценке наблюдателей, начали расти с осени 2005-го, с приходом в правительство на вице-премьерство Дмитрия Медведева и Сергея Иванова. Нарышкин, стал ответственным за обеспечение межведомственных согласований, то есть непосредственно готовил решения правительства, а также «по указанию Председателя Правительства давал поручения федеральным органам исполнительной власти» в сфере административной реформы, госслужбы, промышленной политики, управления федеральной собственностью. Полномочия главы аппарата уже тогда стали практически вице-премьерскими.

Таким образом, повышение Сергея Нарышкина до ранга зампреда Правительства РФ - шаг практически формальный. Фактически, он и так был не менее влиятелен, чем первый вице-премьер, но новое назначение может иметь и другую важную функцию. По традиции в качестве перспективных кандидатур на пост премьер-министра принято рассматривать кого-либо из числа действующих зампредов Правительства, и в этом плане новая должность может предвещать новые карьерные

перспективы Нарышкина. Как и тот факт, что теперь он стал фигурой более публичной.

На фоне громких кадровых решений февраля фигура Михаила Фрадкова оказалась в тени, а между тем, по некоторым оценкам, в результате предпринятых Президентом инициатив укрепились именно позиции Премьера. Более того, Михаил Фрадков имеет все основания считать себя если не инициатором, то уж точно катализатором предпринятых перестановок. На это обстоятельство указывают и слова Президента о том, что глава Кабинета министров «неоднократно ставил вопрос о необходимости изменений в структуре правительства РФ». Действительно, Михаил Фрадков буквально накануне обсуждаемых кадровых перестановок выходил на Владимира Путина с предложениями по изменению распределения ответственности в Правительстве, ставших актуальными, в частности, в связи с решением о создании Федерального агентства по поставкам вооружений. Фрадкову стало не совсем понятно, почему новое агентство, учреждено с «приправительственным» статусом, будет проверять служба, подчиненная министру обороны, и он поделился своими сомнениями с Путиным. Он предложил Путину создать четкую структуру уровней подчинения в ВПК, выведя службу по гособоронзаказу на другой уровень подчинения. Президент рассудил по своему, и вывел на другой уровень Сергея Иванова. Это конечно не совсем то, на что рассчитывал Михаил Фрадков, но теперь уже обратного хода нет.

РПП: наш вывод-прогноз:

Так или иначе, после распределения важнейших обязанностей среди заместителей роль Михаила Фрадкова как аппаратного арбитра возрастет. Сергей Нарышкин получил полномочия в сфере компетенции Германа Грефа (внешнеэкономические связи) и Виктора Христенко (еще не так давно негласно курировавшего связи со

странами СНГ). Сам Фрадков никогда не скрывал, что Минэкономразвития, отвечающее за вопросы внешней торговли, с поставленными задачами не справляется.

В повестке дня остаются дальнейшие корректировки баланса, направленные на уточнение функций министерств и более четкую координацию их взаимодействий с МЭРТом и Минфином. Роль последнего, по мнению Михаила Фрадкова, теперь должна сводиться к обеспечению финансового баланса и контроля за использованием ресурсов.

Что касается, борьбы двух «главных» кремлевских группировок, условно называемых «либералами» и «силовиками», о которых любит говорить пресса, то здесь, видимо, сохранился прежний баланс.

Избирательная кампания началась: от преемников к кандидатам

Перестановки в правительстве, как и следовало ожидать, приобрели особое звучание в свете «проблемы 2008». Большинство аналитиков сразу заговорило о том, что Путин внес в предвыборную кампанию дополнительную интригу. Мол, уравнив в должностях Сергея Иванова и Дмитрия Медведева, он показал, что их шансы равны и в президентской гонке.

Между тем, до последних событий создавалось устойчивое впечатление, что Медведева «раскручивают» гораздо активнее, и у многих начало складываться ощущение, что «выбор» уже сделан. Казалось, тенденция настолько очевидна, что можно уже пренебречь сложившейся ранее практикой, согласно которой карьерный и политический рост Медведева и Иванова в известной степени синхронизирован, и каждая эффектная

публичная акция одного «кандидата» (термин «преемник», как выяснилось, рекомендовано исключить из лексикона), рано или поздно, компенсируется соответствующей акцией другого. Своим кадровым решением президент показал, что выводы делать рано, чем немало озадачил тех, кому уже начало казаться, что все ставки в игре сделаны, и выигравшее число известно.

Стоит отметить, что Сергей Иванов в последнее время, еще до нового назначения, резко активизировал свое присутствие в публичной политике, что нашло свое проявление далеко не только в обсуждаемых кадровых решениях президента. Незадолго до этих событий С.Иванов вслед за Медведевым выступил в Госдуме, затронув, среди прочего, вопросы развития отечественных Стратегических ядерных сил. При этом наблюдатели отметили именно симметричность выступлений обоих потенциальных «кандидатов». Публичная презентация обеих фигур западной политической элите также была осуществлена в сопоставимом формате: Давосское выступление Медведева против Мюнхенского выступления Иванова. Таким образом, каждый из них отработал блок из двух выступлений - оба доложились о своей работе в Думе, т.е. перед внутренней элитой, и показали себя элите международной.

В итоге сохраняется логика сбалансированного присутствия Иванова и Медведева. Если один получает информационные и политические возможности для продвижения своего имиджа, то через какое-то время аналогичную имиджевую поддержку получает и другой.

Впрочем, возможна и интерпретация «повышения» Сергея Иванова как «понижения»: новое назначение скорее ослабляет его позиции, и вряд ли является трамплином к президентскому креслу. Дело в том, что экономические функции после долгой борьбы глава военного ведомства приобрел и так, еще в прошлом году, и оставлять для этого свой пост ему вовсе не требовалось. Он и так возглавил Совет директоров «Объединенного авиастроительного концерна», не говоря уже о том,

что еще в марте 2006 года Иванов возглавил Военно-промышленную комиссию. Это была действительно крупная аппаратная победа – впервые со времен «тяжеловеса» брежневского Политбюро Дмитрия Устинова армия и «оборонка» оказались в одних руках. Причем, уже тогда в подчинении у Иванова оказался глава Федерального агентства по промышленности Борис Алешин, что заставило ряд аналитиков заявить: «Глава Минпромэнерго Виктор Христенко превращается в фигуру почти декоративную».

На первый взгляд, может показаться, что Иванов фактически ничего не приобретает. Зато немало теряет вместе с постом главы оборонного ведомства. Во-первых, обращает на себя внимание значительная международная активность Сергея Борисовича – широко освещаемые зарубежные визиты, важные заявления на внешнеполитические темы, интервью западной прессе. На этом фоне он до самого последнего момента явно переигрывал Медведева, давая многим западным наблюдателям повод считать, что именно «питерский чекист» является самым вероятным преемником Владимира Путина. Теперь такой важный имиджевый инструмент, как военная дипломатия, у него отнят.

Во-вторых, все годы, что Иванов занимал кресло главы МО, он старался поднять статус своего ведомства, сделав его ключевым среди силовых структур. Исходящая от него идея о том, что министр обороны должен считаться заместителем Верховного Главнокомандующего и курировать весь «силовой блок» активно обсуждалась еще совсем недавно. Многие сделал Иванов и для того, чтобы сосредоточить главные полномочия в ведомстве в руках министра, а не главы Генштаба. Последняя структура при нем стала превращаться в скорее аналитическую, чем руководящую. Вряд ли Иванова радует то, что плоды многолетних усилий, предпринимавшихся до самого последнего момента, теперь достанутся другому лицу – фигуре аппаратно гораздо более слабой, вряд ли имеющей столь широкие амбиции.

РПП: наш вывод-прогноз:

Итак, может статься, что Кремль скорее сравнительно деликатно «осадил» Иванова в его предполагаемых президентских амбициях, а не уравнил его шансы с Медведевым. Тем самым оставив в силе ставшую уже традиционной гипотетическую схему, согласно которой «питерский чекист» возглавит правительство при «питерском юристе», ставшем президентом. В этом случае ему надо постепенно переходить к курированию экономических вопросов и пост первого вице-преьера для этого – лучшая ступень. В любом случае, новый президент будет слабее своего предшественника. И в этой ситуации роль премьера может возрасти, и в рамках системы сдержек и противовесов будут учтены интересы обоих. И не исключено, что в марте 2008 года мы будем иметь полноценную президентскую гонку с двумя сильными кандидатами, у которых есть слабые и сильные стороны.

На сегодняшний день, судя по результатам замеров общественного мнения, основной проблемой позиционирования обоих обсуждаемых кандидатов остается именно невыраженность каких-либо особенных, узнаваемых и различимых черт, позволяющих избирателю сделать осмысленный выбор. По данным Левада-центра, 41% граждан затрудняются в определении плюсов Дмитрия Медведева, положительные качества Сергея Иванова остаются загадкой для 32% граждан. При этом к сильным сторонам Иванова и Медведева респонденты отнесли одинаковый набор качеств: близость к Путину (27 и 30% опрошенных), образованность и интеллигентность (24 и 19), а также энергичность (23 и 24). Более двух третей (68 и 70%) респондентов затруднились указать отрицательные черты первых вице-премьеров. Обращает на себя внимание лишь то обстоятельство, что Медведева упрекают в «отсутствии опыта государственной деятельности» (так считают 9% опрошенных).

Нетрудно заметить, что сложившийся социологический портрет обоих кандидатов является продуктом экстраполяции образа Владимира Путина. Энергичность президента отмечают 61%, образованность – 46, а интеллигентность – 43. Слабых сторон у президента не смогли обнаружить 65% опрошенных.

РПП: наш вывод-прогноз:

Социологические замеры подтверждают, что Иванов и Медведев еще не смогли стать политиками в полной мере. Их можно назвать технократами, политическими управленцами, а не политическими фигурами. Потенциальные преемники Путина раскручиваются в одномерном политическом пространстве, что не дает гражданам возможности оценить их сильные и слабые стороны.

Столь явная модель «равноудалённого соревнования» позволяет сделать несколько ещё более смелых абстракций. Сопоставив прогрессирующую борьбу «Единой России» и России Справедливой со всё более уравнивающимися условиями борьбы «преемников» сама собой напрашивается аналогия о новой попытке «вращения» двухпартийной системы в политическом пространстве РФ. Мотивы здесь вполне прозрачны: стабильность роста и развития, демонстрируемая политической системой США во многом основаны именно на традиции двухпартийного соревнования. Эти мотивации во многом оправдывают действия Кремля в новом строительстве. Но стоит задаться вопросом – настолько ли важен политический ландшафт, чтобы бросать на его развитие практически все ресурсы?

В итоге к весне следующего года вполне может стать ясно, что сегодняшние преемники настолько увлекутся политической борьбой и вполне смогут стать титульными фигурами двух ведущих партий на выборах. Это существенно поднимет их рейтинг и электоральные

возможности, что может быть даже позволит им успешно участвовать в президентской гонке. Но активная политическая борьба не способствует формированию образа будущего Президента, и, соответственно, фигура «преемника» - с другой фамилией- пока остаётся за кадром.

Для заметок

Для заметок

Для заметок

Для заметок

Для заметок

РОССИЙСКИЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ

Ежемесячный аналитический бюллетень

Выпуск 1 (11)

февраль 2007 г.

*Наш адрес:
E-mail: frc@cea.ru*

*Сдано в набор 26.02.2007 г.
Подписано в печать 06.03.2007 г.
Формат 60x90 1/16. Печ. л. 2,7.
Отпечатано в ООО «Принтхаус»
Тираж 500 экз. Заказ № 87.*